
СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Е.Ю. МЕЛЕШКИНА, И.В. КУДРЯШОВА*

ПОСЛЕ ИМПЕРИЙ: МОЖНО ЛИ ПЕРЕКОВАТЬ МЕЧИ НА ОРАЛА?¹

Аннотация. Тема формирования государств и наций на пространствах бывших империй представляется по-прежнему актуальной: по мнению многих исследователей, путь «из империи в нацию» далек от завершения, хотя еще относительно недавно образование национальных государств воспринималось как естественное стремление народов к самоопределению и независимости. В действительности оказалось, что и сами империи мимикрируют под национальные государства (Китай, Иран), и бывшие имперские центры задумываются о реструктуризации утраченных пространств (Стамбул / Анкара, Москва), и новые национальные государства с трудом обретают состоятельность или так и не обретают ее.

В фокусе внимания авторов находятся так называемые протяженные империи (Австро-Венгерская, Российская, Османская), поскольку они придерживались концепции инклюзивного политического пространства, и распад империи означал разрушение ее государственной структуры. В этом контексте предпринята попытка определить, какие проблемы государственного и национального строительства возникают у постимперских политических образований, насколько

* **Мелешкина Елена Юрьевна**, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru; **Кудряшова Ирина Владимировна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00662 а.

за это отвечает имперское институциональное наследие и как возможно примирить условно старые и новые институциональные порядки в случае конфликтных последствий их взаимодействия.

Размышление над этими вопросами потребовало (а) выделить идеалтипические признаки империи и национального государства и провести их сопоставление в международном контексте, (б) определить проблемы, возникающие при сопряжении обоих институциональных порядков и (в) определить если не решение, то подступы к решению подобных проблем.

Для иллюстрации глубины проблемы были выбраны крайние случаи противостояния принципов организации имперского пространства и территориальных границ – этнополитические конфликты и сецессии. Учитывая, что имперские модели культурно-символических, военно-политических и экономических взаимодействий долго формируются и столь же долго распадаются, ряд таких конфликтов был проанализирован в логике нарушения пространственной зависимости между элементами имперских структур, с которыми были соотнесены те или иные этнокультурные сегменты.

Как показало исследование, имперские центры отнюдь не всегда могут быть замещены возникающими национальными, что требует их возвращения в обновленной форме. Вместе с тем для стабилизации – хотя бы формальной – границ постимперских политий могут быть использованы современные политические механизмы, направленные на поддержание управляемости взаимодействий сегментов в условиях слабого центра (консоциализм, автономизация и др.).

Ключевые слова: империя; континентальная / протяженная империя; национальное государство; территориальность; постимперское пространство; институциональная трансформация.

Для цитирования: Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В. После империй: можно ли перековать мечи на орала? // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 14–51. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.01>

Если еще XIX в. считался веком империй (в этот период они, безусловно, оставались доминирующей формой макрополитической организации), то в XXI в. мы не встретим ни одной политики, которая носила бы это величественное имя: империи либо распались, либо, утратив ряд родовых черт, мимикрировали под национальные государства (Россия, Китай, Иран). Демонтаж империй дал основание считать трудный переход «из империи в нацию» универсальной тенденцией современного мира.

Другая устойчивая тенденция – интерпретация возникновения национальных государств как реализации естественной воли народов к самоопределению и независимости. В рамках этого метанарратива подчеркиваются преимущества новой формы, определяемой принципами гражданства и народного суверенитета, по

сравнению с анахроничными чертами прежней, окольцованной династическими иерархиями. За отправные точки победного шествия национального государства принято принимать американскую и французскую революции с их судьбоносными политическими текстами – Декларацией независимости и Декларацией прав человека и гражданина. По мнению Ф. Редера, первая вспышка (*burst*) образования национальных государств имела место в период с Венского конгресса до Берлинского, вторая, третья и четвертая – соответственно в первой четверти XX в., в тридцатилетие после Второй мировой войны и десятилетие после окончания холодной. Непосредственными причинами их появления стали деколонизация, отделение от ядра метрополий и объединение уже существовавших государств или территорий с иными режимами власти [Roeder, 2007, p. 6].

Понимание национального государства как современной политической формы предполагает, что оно должно успешно осуществлять политические и социально-экономические реформы, ведущие к широкому политическому участию и быстрым технологическим изменениям. Однако в настоящее время многие национальные государства страдают от тех же проблем, которые считаются причинами краха империй в XX в.: этнических конфликтов, низкой легитимности власти, слабой экономики и политического насилия; новые лозунги и движения национализма, появляющиеся на субнациональном или панациональном уровне, воспринимаются правящими элитами как экстремистские или террористические.

Вместе с тем в публичном дискурсе если не западных стран, то Турции или России явно различимы приливы ностальгии по империи и присутствие имперской символики. Разнообразные грани имперского опыта, реабилитированного как опыт великих дел, используются для легитимации политических курсов. Но дело не только в том, что национальные государства иногда выглядят и действуют, как империи. По мнению исследователей, между ними гораздо больше общего: многие поздние империи выросли в результате исторических процессов, заметно похожих на формирование наций. Это касается и подчинения религиозной власти политической, и взаимодействий между монархической властью и городами, и формирования национализма ведущей этнической группы, и попыток централизации [Esherick, Kayali, van Young, 2006, p. 12–13]. Как отмечают С. Бергер и А. Миллер, проекты

создания наций в имперских метрополиях были направлены на сохранение и расширение империй в большей степени, чем на их расформирование или трансформацию в полном составе в национальное государство; в некоторых случаях национальные проекты должны были быть приспособлены к обстоятельствам имперского распада, но и это определялось имперской динамикой [Berger, Miller, 2015].

Будущее национального государства как нарратива также не кажется триумфальным, если учитывать такие процессы, как трансформация суверенитета в эпоху глобализации, ослабление национальной консолидации, поиски новых идентичностей и массовый протест против истеблишмента. Сохраняет свою остроту и проблема государственной состоятельности многих новых государств, во многом связанная с низкой эффективностью новых политических институтов. Последнее обстоятельство предопределяет исследовательский интерес к имперским режимам управления.

Все сказанное подводит нас к мысли о том, что переход от империи к нации не стоит считать завершенным в том смысле, что имперский опыт продолжает влиять на траектории национально-государственного строительства. Он включает в себя и институты (например, правовые кодексы), и механизмы неформального управления, и символы, и наработанные территориально-пространственные связи, и идентичности. Собственно, ответ на вопрос, завершилось ли время империй, остается во многом открытым: поднятие национального флага выглядит сегодня недостаточно убедительным ответом на него, а имперская (точнее, неоимперская) форма управления может вновь стать актуальной в условиях растущей политической и социокультурной плюрализации общества.

В фокусе нашего внимания так называемые протяженные (*contiguous*) континентальные империи (Австро-Венгерская, Российская или Османская), поскольку они придерживались концепции инклюзивного политического пространства при дифференциации политики центра по управлению отдельными территориями или группами населения. Распад колониальных империй, как считает Э. Хобсбаум, не оказал, за единственным исключением Португалии, политического влияния на метрополии, которые в целом продолжили функционировать в прежнем режиме. Фактически это

были государства, основная структура / инфраструктура которых была достаточно прочна для того, чтобы выдержать серьезные внутренние или внешние потрясения. Более того, будучи частью богатого развитого мира, они часто сохраняли политическое, моральное и экономическое влияние в своих бывших колониях. Но ни протяженные империи до 1914 г., ни СССР или СФРЮ не проводили резкого «империалистического различия» между метрополией и зависимыми территориями. Именно в этом случае распад империи должен был разрушить базовую государственную структуру [Hobsbawm, 1997, p. 15].

В настоящей статье мы предпримем попытку определить, какие проблемы государственного и национального строительства возникают у постимперских политических образований, насколько за это отвечает имперское институциональное наследие и возможно ли примирить институциональные порядки в случае конфликтных последствий их взаимодействия, или, образно говоря, перековать мечи на орала. Это потребует от нас выделить идеалтипические признаки империи и современного государства и провести их сопоставление, а затем определить эффекты обеих институциональных рамок в возникновении этих проблем.

Империи и современные территориальные государства

Любое рассуждение о переходе от империи к национальному государству требует уточнения основных признаков этих политических форм. Это довольно непростая задача, учитывая, что в мире существует или существовало очень много разновидностей и первых и вторых, а в политической науке – столь же много их определений. Известный исследователь империй Э. Хопкинс столь образно передает эту проблему, что его стоит процитировать: «Роза сохранит свой сладостный аромат, если дать ей другое имя. Однако наличия благоухания недостаточно для определения розы. Некоторые розы слабо пахнут; некоторые другие цветы могут пахнуть так же сладко, как розы. С империями – как с розами: общей черты может быть недостаточно, чтобы отличить империи от других типов или одну империю от другой. Историки не могут определять империи с той точностью, с какой ботаники могут распознавать растения» [Hopkins, 2019, p. 21–22].

Эти же слова можно сказать в отношении национальных государств, хотя они, в отличие от империй, появились относительно недавно. Их распространенное определение как нации, реализующей свое право на политическое самоопределение, или граждан, осуществляющих суверенную власть на определенной территории, не позволяет уловить ни соотношения внутренних и внешних аспектов их формирования, ни уровня зрелости их структурной интеграции.

Поэтому для решения задач сравнения империи и государства (и анализа процессов, которые имеют место при распаде имперских образований и образовании новых политий) логично предложить другой подход – представить их как идеальные типы с центрами и границами и выявить их противоположные характеристики.

Для того чтобы задача сравнения идеальных типов современного государства и империи была решаемой, необходимо выбрать некий ориентир или систему координат оценки этих политий. Такой системой координат может быть международный контекст, нормы и правила, которые международное сообщество предъявляет к существующим в мире политиям. Сложившаяся в XX в. международная система была основана на представлениях о развитии европейских государств, к которым постепенно добавились нормы, связанные с политическими режимами, правами человека, правами меньшинств и т.д. Эта рамка, которая в качестве критериев оценки и обязательств распространялась и накладывалась на новые государства, неизбежно носила отпечаток европоцентризма. Об этом довольно точно пишет Ч. Тилли: «Изучение европейского государственного строительства (*state-making*) имеет по меньшей мере один момент, значимый для политики современного мира: европейцы играли главную роль в создании современной международной системы государств и, вероятно, оставили на ней отпечаток своих особенных политических институтов [...] Возможно, верно и то [...], что тому государству, которое усвоило западные формы организации, придется куда легче в международной системе – в конце концов, эта система выросла в тесной связи с данными формами» [Tilly, 1975, p. 637].

Конечно, распространение соответствующих критериев и обязательств в отдельных странах наталкивалось на ряд препятствий, среди которых следует выделить собственные традиции организации власти. Вместе с тем ожидания международного сообще-

ства, других политических акторов и населения этих стран отчасти делают уместной формулировку универсального определения государства. С учетом этого мы можем определить его как институт, занимающийся организацией производства и обеспечением циркуляции общественных благ на определенной территории, в том числе принятия и реализации обязательных для исполнения решений.

Территориальность как структурный фактор политической организации является, пожалуй, очень важной со времен оседлости. Однако ее ранние формы (условная «закрытость» племенных систем, «полузакрытость» полисных, «открытость» имперских, «полузакрытость» феодальных) были только ступеньками на пути к современной территориальности, основанной на регулировании открытости и закрытости политических систем [Ильин, 1995]. Четкая ограниченность, целостность и последовательное использование принципа территориальности – характерные черты государства. Как отмечает С.И. Каспэ, «именно этот принцип прежде всего отличает государство и от имперской политической формы (принципиально разомкнутой, интенционально безграничной, устремленной к совпадению с ойкуменой), и от феодальной структуры (в которой объектом политического контроля выступали не столько территории, сколько люди, а сложность сплетения их личных связей и зависимостей исключала возможность монопольного доминирования даже на самом ничтожном клочке земли и не позволяла возникнуть ни идее, ни тем более практике сколько-нибудь жесткой демаркации границ), и от городов и производных от них торговых союзов» [Каспэ, 2007, с. 125].

Что касается идеального типа империи, то задача его построения несколько сложнее. Объясняется это не только различием подходов к ее определению, но и многообразием существующих и существовавших форм имперской организации власти в разных временных, эволюционных и культурных контекстах, о чем говорилось выше. В нашей работе мы попытаемся выделить небольшой набор ее идеалтипических характеристик, соответствующих модели, которой более всего соответствуют эмпирическим образом выделяемые типы протяженной (континентальной) империи. При этом мы понимаем, что реальные политики имперского типа, по крайней мере существовавшие последние два столетия, сочетали черты как разных типов империи, так и национального государства.

Каковы же эти особенности? Во-первых, это отсутствие стремления к четкому согласованию различного рода границ (территориальных, политических, экономических, культурных и т.д.) друг с другом как к основе консолидации системы и, соответственно, потенциальная их открытость. Если национальное государство соседствует с другими национальными государствами, имеющими аналогичную структуру и четко установленные границы, то «принципиально разомкнутая» империя часто ограничена труднодоступными местами или воинственными племенами. Как пишет Ю. Остерхаммель, она любит создавать вокруг себя буферные зоны и не любит непосредственных границ с другими империями – такие границы в большинстве случаев имеют необычайно высокий уровень военной безопасности (например, граница Габсбургской и Османской империи на Балканах или между СССР и США в Германии и Корее) [Osterhammel, 2015, p. 422].

Империи часто манипулируют этническими группами, переселяют их, создают этнически смешанные анклавов и (или) вынашивают экспансионистские замыслы. Их властители рассматривают себя как носителей цивилизаторской миссии и не имеют того священного отношения к почве, которое характерно для национальных государств и воплощено в особых памятных местах. По точному замечанию Остерхаммеля, в логике империй территория воспринимается главным образом как «пространство, доступное для управления» [ibid., p. 424]. Как правило, они в целом терпимо относятся к существующим внутренним различиям, стремясь к культурной интеграции только на уровне высшей имперской элиты. Все это влечет за собой увеличение транзакционных издержек на поддержание коммуникаций между центром и перифериями, на сохранение целостности империи. Как отмечает А. Мотыл, в территориально расширяющихся империях обязательно происходило рассеивание контроля центра над периферией [Motyl, 1992]. Действительно, к XVIII в. Северная Африка, например, уже только называлась османской – связь Стамбула с этими отдаленными провинциями осуществлялась медленно, а коммуникации были уязвимыми.

Во-вторых, это косвенная система управления (*indirect rule*). Как правило, в составе империй различного типа находятся территории с различными культурными и политическими традициями, социально-экономическими особенностями и формами организа-

ции власти: «Империи часто охватывают большое количество маленьких политических единиц, включая государственные единицы, регионы, города и другие сообщества с различными институциональными формулами» [Colomer, 2008, p. 49]. Как отмечает Ч. Тилли, центральная власть осуществляет определенный фискальный и военный контроль в сегментах империи, однако относится терпимо к наличию элементов косвенного управления. Речь идет о выстраивании общеимперской системы управления территориями и одновременном отпращивании власти через посредников, обладающих значительной автономией в своих владениях в обмен на соблюдение общих требований, уплату дани и военное сотрудничество с центром [Tilly, 1997, p. 3]. Так, внешнее кольцо христианских территорий косвенно управлялось османами через посредничество местных правителей; в целом в большей части османских провинций в XVIII в. возможности центральной власти применять силу или собирать налоги были уже очень ограниченными, если существовали вообще: местная знать сама собирала налоги и даже имела небольшие армии [Ливен, 2007, с. 228, 249].

В-третьих, это слабая ориентированность на стандартизацию и унификацию отношений внутри империи, значительное влияние неформализованных взаимодействий и связей. Эта особенность отличает империю от идеального типа современного государства, в котором для воспроизводства универсалистского порядка «необходима достаточно четкая дифференциация между “публичной” и “частной” сферами... Для того и нужна указанная дифференциация, чтобы институционализировать границы между “частной” и “публичной” сферами, поскольку в публичной сфере люди ведут себя как граждане, выражая частные интересы публичного значения» [Панов, 2011, с. 72].

В-четвертых, империи, в отличие от национальных государств, культивируют идею легитимации политического порядка «сверху» – например, посредством распространения символов лояльности, «хорошего правления», поддержания внутреннего мира или установления льгот и привилегий для своих клиентов. Поскольку осуществляемая ими инкорпорация территорий и населения имеет, как правило, принудительный характер, они остаются внутренне антидемократичными и лишены «сообщества» [Osterhammel, 2015, p. 423].

В-пятых, это специфика участия империй в международной системе. Если государственный суверенитет во многом формируется под влиянием внешнего признания и внешних гарантий со стороны других государств и международного сообщества, то имперская власть возникает не столько из системы взаимного признания на международной арене, сколько в результате согласования границ этой власти между ее составными частями, не исключая применения силы или принуждения. Учитывая это, можно утверждать, что империи сами являются своего рода квази-международными системами и в силу данной особенности вступают в противоречие с идеей суверенного равенства. Как отмечает Х. Спруйт, «универсалистские имперские системы ограничивают свое господство совместно согласованными пространственными параметрами, т.е. границами. Они, таким образом, антитетичны внешнему равенству государств, которое предполагается суверенной территориальностью» [Spruyt, 1994, p. 17].

Некоторые выделенные особенности империй как крупных сложносоставных образований можно проиллюстрировать на примере мультикультурной и мультиязычной Российской империи, которая включала в себя различные административно-территориальные единицы, управляемые по различным законам. Например, на территории Великого княжества Финляндского государственным были шведский и финский языки. На прибалтийских территориях существовали органы дворянского самоуправления с делопроизводством на немецком языке. Политика русификации на окраинах империи стала проводиться только начиная с середины – конца XIX в.

Как показывает Б.Н. Миронов, важнейшим условием стабильности Российской империи вплоть до 1917 г. была гибкая этноконфессиональная политика. Ее закономерности были выражены в следующем: уважение статус-кво присоединяемой территории и проживающего на ней населения и предоставление присоединенным народам равных с русскими прав; заключение формального договора с народами, имевшими государственность (или принесение присяги царю при ее отсутствии); предоставление широкой автономии новым территориям при завоевании; осуществление управления инкорпорированными территориями на основе существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений [Миронов, 2017, с. 143–146].

Другой очевидный пример – Османская империя, где процессы централизации, начавшейся в XIX в., были противоположны тем, что происходили при строительстве европейских государств. Их характерной чертой были не столько игры с нулевой суммой между строителями государства и местными сообществами, сколько аккомодация и инкорпорация. Если локальная власть в Европе чаще всего разрушалась, то в Османской империи она «укрошалась», обеспечивая сосуществование с политическим центром политических образований периферии с различными уровнями развития. Среди политических достижений Османов – создание гибкой системы этноконфессионального плюрализма. Например, в арабских провинциях они опирались главным образом на городские суннитские элиты и старались передать им управление меньшими сообществами (племенными, этническими или религиозными) [Karpat, 1988, p. 39]. В середине второй половины XV в. вслед за расширением империи возникла система *миллетов*: были учреждены христианский православный, армянский и иудейский миллеты со своими правовыми системами и институциональной сетью для ведения общинных дел (язык, школы, церкви, больницы, кладбища). По существу, они представляли собой нетерриториальную форму автономии: в обмен на регулярную уплату налогов и лояльность духовным лидерам делегировалось право быть посредниками между представителями султана и своими общинами. Посредники выполняли значительный объем управленческих функций, в том числе в сфере регулирования межобщинных конфликтов [Кудряшова, Козинцев, 2021, с. 146–148].

Важным элементом управления был правовой плюрализм: члены сообществ могли выбирать правовую систему, в которой они хотели бы разрешить свои споры (шариатские суды были известны справедливым и безотлагательным рассмотрением дел) [Barkey, Gavrilis, 2016]. Введение «османского гражданства» в 1856 г. не отменило привилегий и льгот для общин немусульманских вероисповеданий, хотя само по себе оказалось невостребованным ни меньшинствами (из-за ценности автономии), ни мусульманами (из-за низведения их на один уровень с «неверными») [Ливен, 2007, с. 261]. Современную форму территориальной автономии напоминали отношения центра с глубокой периферией – труднодоступными областями или зонами приграничья; эти отношения строились на неформальных договоренностях и зачастую

признании особых прав (как, например, военных отрядов курдов или албанцев) [Кудряшова, Мелешкина, 2021 а, с. 231–232].

Конечно, найти исторические примеры, полностью соответствующие одному или другому охарактеризованному идеальному типу, довольно сложно. Разнообразие империй и современных государств, история их возникновения, время и контекст их функционирования, их взаимодействие друг с другом оказали значительное воздействие на масштаб и конкретное проявление той или иной отличительной характеристики. Поэтому границы между империями и современными государствами оказываются зачастую размытыми.

Тем не менее выделение этих идеальных типов важно с точки зрения решения аналитических задач выявления возможностей и ограничений политического развития на постимперском пространстве.

Формирование государств и наций на постимперском пространстве: проблемы институционального перехода

Каковы же проблемы государственного и национального строительства в новых политиях и чем обусловлены их особенности?

Первая основная проблема, с которой сталкиваются новые политии, это консолидация границ. Речь идет не только о территориальных границах, но и о политических, культурных, экономических и т.д. В наследство новым государствам от империй остаются не только территориальные споры, но и развитые социально-экономические связи, система зависимости между частями империи, этническая, культурная и конфессиональная пестрота населения и многое другое. Помимо прочего, им приходится решать вопросы организации жизнеспособного национального рынка, культурной унификации и стандартизации, формирования новых идентичностей.

Вторая проблема заключается в необходимости преодоления неизбежно возникающей при распаде империи институциональной деградации. Речь идет о формальных нормах и правилах, системе управления государством, о ситуации, когда старая система правил и управления не работает, а новая еще в процессе формирования.

Третья проблема, тесно связанная со второй, – сохранение институциональной памяти и преодоление неизбежного в империях существенного разрыва между формальными и неформальными правилами и практиками организации и осуществления власти, решение задач создания универсальных и стандартизованных норм, правил и системы отношений. Кроме того, формирование государства в современном мире часто происходит в условиях, когда перед новыми независимыми политиями стоят задачи формирования нации и демократизации. Решение этих задач осложняется существованием не прямой формы управления. В связи с этим уместно упомянуть очень точное замечание Ч. Тилли о необходимости выстраивания прямой, стандартизированной системы управления для успешного формирования гражданской нации и демократизации [Tilly, 1997].

Как он отмечает, формирование демократического правления на постимперском пространстве возможно двумя способами. Первый предполагает ослабление центра и обеспечение региональными институтами институциональных основ демократии. Второй – установление прямого правления взамен косвенного, уравнивание граждан в правах, укрепление связи между центром и периферией – без ликвидации непрямого правления права граждан остаются негарантированными. Тилли указывает на то, что истории известны редкие примеры первого варианта и отсутствие примеров второго.

Выделенные проблемы в новых государствах проявляются по-разному. Среди факторов, обуславливающих эту специфику, можно отметить следующие.

Во-первых, это различия между самими империями, о которых говорилось выше. Как справедливо отмечает Р. Суни, «территориально протяженные империи, такие как Габсбургская, Османская, Российская или Советская, не имели четких границ внутри имперского пространства, и благодаря этому миграционные процессы на имперской территории привели к формированию смешанного состава населения, появлению высокоинтегрированной экономики, совместного исторического опыта и культурного своеобразия. Примечательно, что все эти особенности делают, по сути, чрезвычайно сложным или вообще невозможным выделение центра или какой-либо из периферий без коллапса всего государства» [Суни, 2004, с. 174].

В протяженных империях множественность перекрывающихся друг друга идентичностей, форм контроля, посреднических структур и суверенитета приводит к размыванию различий между центром и периферией. Она также создает разветвленную сеть связей, которая была предназначена для перераспределения ресурсов. В связи с этим центры традиционных империй, превращаясь в новые государства, переживают более существенный структурный кризис и кризис идентичности, который в различных условиях разрешается по-разному. Например, Турция отказалась от имперской идентичности, Россия после распада империи Романовых фактически возродила некоторые черты имперской организации, ряд влиятельных политических сил Австрии выступали за соединение с Германией. Во многом эти пути объяснялись своеобразием стратегий тех сил, которые оказались у власти.

Второй важный фактор – это принадлежность к бывшему центру империи или к ее периферии. Консолидация границ в политике, образовавшейся вокруг бывшего центра империи, затруднена тем, что новое государство оказывается не только формальным, но и неформальным наследником последней. Эти страны оказываются более открытыми в плане стратегий национальной политики, в большей степени демонстрируют склонность к формированию гражданской нации, нежели этнической. Националистическая риторика присутствует, но преобладает ассимиляторская, более либеральная (в отношении к представителям нетитульных этносов) и иногда федералистская. Были и исключения: Турция проводила политику насильственной ассимиляции по отношению к курдам, с оружием в руках отстаивавшим проект собственного государства. Идея решения курдского вопроса путем создания федерации между Турцией, Ираком и Сирией была высказана Т. Озалам только в 1980-х [Кудряшова, Матюхин, 2013, с. 124].

Кроме того, государства, образованные вокруг центра, обладают определенным стартовым преимуществом, проистекающим из их прошлого доминирующего положения. Это проявляется, например, в наличии более развитого аппарата управления, управленческой инфраструктуры, более устойчивой к вызовам, связанным с распадом империи. В то же время этим политиям может быть сложнее, по сравнению с формирующимися на периферии, осуществлять радикальные реформы в области государственного управления и преодолевать институциональное наследие импер-

ского прошлого. Консолидация границ в государствах, возникших на периферии империи, в условиях неизбежного влияния на внутренние процессы бывшего имперского центра (посредством использования этноконфессиональных и культурно-лингвистических групп населения, сформировавшихся в имперский период экономических, социальных и личных связей и т.д.) сопряжена с проведением политики, альтернативной курсу бывшей империи.

В силу этого периферии в большей степени демонстрируют склонность к этническому национализму как средству унификации и формирования солидарности. Здесь часто воспроизводится «имперская» модель национальных отношений в виде доминирования одной этнической группы и политики демографических манипуляций. Данное наследие империй порой проявляется через десятилетия после их распада. Так, например, в 1934–1939 гг. Болгарию покинули около 100 тыс. турок. В 1950–1951 гг. были вынуждены уехать еще 155 тыс. Наиболее массовым был исход в 1989 г. после ассимиляционной кампании 1984–1985 гг., когда Болгарию покинули около 370 тыс. турок, или 40% ее турецкого населения (при этом 155 тыс. вернулись в Болгарию в течение года) [Brubaker, 1997]. Примером демографических манипуляций может служить широкое применение демографической инженерии на постосманском пространстве, когда переселенцы из других частей империи расселялись в регионах новых стран, наиболее проблемных с точки зрения этнической и религиозной консолидации. В частности, в Болгарии прибывшие из Греции болгары отправлялись на Черноморское побережье, где население было наиболее пестрым по своему этническому составу. Румыния расселяла валашское население, прибывшее с Южных Балкан, в Добрудже, одном из наиболее проблемных в плане мультиэтничности регионов [Rothschild, 1998, p. 289]. После обмена населением Греция расселяла прибывших греков в Македонии, Тракии и Солониках, т.е. там, где проживало больше всего представителей этнических меньшинств [Clogg, 1992, p. 105–106].

Следующий фактор, обуславливающий различие между странами постимперских пространств, – специфика институциональной памяти в виде форм организации власти в бывших империях. В этом отношении можно согласиться с Э. Хобсбаумом, что некоторые институциональные практики остаются устойчивыми даже в случае серьезных внешних событий (войн, револю-

ций и пр.) [Hobsbaum, 1997, p. 209–210]. Например, существовавшая в Османской империи система миллетов на Балканах имела своим следствием то, что их члены рассматривали проживающих там мусульман как чужих, хотя многие из них разговаривали на языке местного населения. Результатом этого стало преобладание в регионе моделей формирования наций, где в качестве основной идентификационной характеристики часто выступала конфессиональная принадлежность [Gagaptay, 2006, p. 5]. Так, например, с 1821 по 1922 г. около 5 млн мусульман были выселены с территории их проживания, еще 5,5 млн погибли во время войн, голода и болезней [McCarthy, 1995]. В Болгарии в 1870 г. мусульман было столько же, сколько болгар-христиан, в 1888 г. их осталась четверть. К 1920 г. они составляли 14% населения [Brubaker, 1997, p. 157]. При этом переселялись не только этнические турки, но и все мусульмане: болгары (помаки), бошняки, черкесы, крымские татары из Российской империи.

Кроме того, наследие империй накладывало отпечаток не только на стратегию формирования наций, но и на специфику новых институтов власти, а также политических режимов. В частности, как отмечает В. Димитрова-Гражл, сравнивая страны – наследницы Османской и Габсбургской империй, XX век не принес ничего существенно нового в институциональное развитие посткоммунистических стран Восточной Европы и в некоторых случаях даже усилил особенности, проявившиеся в период имперского правления. Неформальные институты, возникшие в период Османской и Габсбургской империй, остались и очертили контуры институционального устройства в XX в. [Dimitrova-Grajzl, 2007]. Обмен, основанный на протекции и покровительстве, как и неопределенное, уклончивое поведение, стал политическим и социальным наследием этой империи [ibid.]. Особое влияние на это оказывала специфика организации власти в империи, которая предполагала, что «начиная с XVII в. типичный османский чиновник, занимающий важный пост, рассматривал его как частное вложение, которое оправдывалось извлечением как можно большей прибыли» [Stavrianos, 2000, p. 120]. Эти особенности проявлялись и в XX в.

Уровень централизации бюрократии в Габсбургской империи, где даже в период абсолютизма в 1867 г. была учреждена децентрализованная форма госуправления, предполагающая наличие трех правительств, определил формирование менее выраженных

этатистских традиций в государствах-наследниках. Сочетание некоторого внутреннего баланса между социальными классами и наличием «просвещенных» правителей, как Иосиф II, позволило империи достичь определенного уровня приверженности верховенству закона. В империи предпринимались шаги по обеспечению доверия населения путем последовательного применения правил и предотвращения неожиданных и радикальных изменений в системе. Элементы этого институционального наследия также можно было наблюдать в XX в. в странах, образовавшихся после распада Габсбургской империи.

Следующий фактор, обуславливающий специфику институционального наследия в государствах, возникших на постимперских пространствах, – совмещение разных традиций, в том числе имперских, и наличие связанных с ними различных внешних центров, стремящихся влиять на внутривнутриполитические процессы в новых государствах. Нельзя не согласиться с Э. Хобсбаумом в том, что проблема этих политий на этапе их становления заключается в соединении и стандартизации институтов, состоящих из элементов, несущих в себе различное наследие [Hobsbaum, 1997].

Например, постсоветские страны Восточной Европы представляют собой территории, где встречается институциональное наследие таких имперских образований, как Российская империя, СССР, Пруссия, Австро-Венгрия, Османская империя, Речь Посполитая и Великая Румыния. Помимо имперских традиций в этом регионе присутствуют и влияют на современные процессы государственного и национального строительства и традиции самостоятельной организации государственной власти, в особенности те, которые формировались в межвоенный период (в первую очередь это касается Эстонии и Латвии). В связи с этим уместно упомянуть мнение ряда исследователей, что в некоторых странах Восточной Европы воспроизводятся отличительные черты организации власти, сформировавшиеся в докоммунистический, межвоенный период [см., например: Stark, Bruszt, 1998]. Опыт самостоятельной государственности и формирования нации предполагает сохранение и воспроизводство некоторых институтов управления, правовых норм, наличие более развитых оснований для общегосударственной идентичности граждан в настоящее время.

Следующий фактор, обуславливающий различия между новыми государствами в плане наследования и изменения имперской

институциональной структуры, – количество и специфика конкурирующих внутренних центров и их взаимоотношения с периферией. Эффекты этого фактора неоднократно обсуждались в журнале «Политическая наука» и других изданиях [см., например: Кудряшова, Мелешкина, 2009; Мелешкина, 2010 а; Мелешкина, 2010 б, Мелешкина, 2012 а]. Здесь же в контексте влияния постимперского наследия отметим, что на формирование национальных государств воздействует не только количество центров, но и, как показано выше, их принадлежность к центру или периферии в составе империи, а также их связь с внешними центрами влияния. Важным является также и факт преобладания и совмещения в различных центрах институционального наследия разного рода.

Еще один важный фактор – специфика международной среды, которая предъявляла различные требования к постимперским государствам. Разная конфигурация внешнеполитических сил, возникающая на различных исторических этапах, способствовала, например, различиям в стратегиях формирования государств и наций. Так, в межвоенный период важными оказались международные договоры, согласно которым границы бывших имперских образований оказались нарезанными так, что в результате были созданы дополнительные проблемы в плане межэтнических отношений.

Конфигурация границ делала невозможным реализацию провозглашенного права наций на самоопределение. Например, около 3 млн венгров после Первой мировой войны оказались в положении этнических меньшинств в составе других стран, из них 1,7 млн – в Румынии, 1 млн – в Словакии и Рутении (Чехословакии), 450 тыс. – в Воеводине (в Югославии). В первые шесть лет после войны на территорию Венгрии приехали около 424 тыс. венгров (13,4, 13,7 и 9,5% венгерского населения соответствующих стран) [Brubaker, 1997, p. 160].

В посткоммунистический период большое значение в определении различий между странами постимперского пространства имеет их вовлеченность в современные процессы интеграции, глобализации, массовой иммиграции и т.д. Эти процессы сказываются не только на странах, где задачи формирования государства и нации до сих пор остаются нерешенными или решены лишь частично, но и на политиях, относительно которых принято считать, что национальные государства там сформировались. К новым вызовам

относится надгосударственная интеграция, и в первую очередь те ее формы, которые предполагают тесное взаимодействие стран, разработку определенных символических атрибутов и реализацию некоторых функций государства и нации на надгосударственном уровне, как это происходит в Европейском союзе. Существует немало политологической литературы, в которой показывается, что подобные формы интеграции оказывают противоречивое влияние на формирующиеся или уже сформированные национальные государства. Например, ЕС, с одной стороны, способствует определенному смягчению проблем, связанных с правами и участием субгосударственных акторов за счет создания более широкой политической рамки. С другой стороны, его существование приводит к ослаблению и деконсолидации границ территориальных политий, создает дополнительные возможности для стратегии «выхода», в том числе для территорий с компактным проживанием меньшинств, что отрицательно сказывается на институтах политического структурирования и целостности нации [Bartolini, 2005; Fossum, 2006; Keating, 2004]. Кроме того, деконсолидация границ современных государств, связанная с возникновением надгосударственных образований и иными процессами глобализации, актуализирует проблемы эволюции модели гражданства [см., например: Benhabib, 2002; Soysal, 1994; Soysal, 2002; Tambini, 2001; Kymlicka, 2001; Joppke, 2006], ослабления государства как гаранта прав и появления нового неравенства между жителями, основанного на доступе к различным правам.

Что касается поскоммунистических государств, то здесь международные интеграционные структуры, предъявляющие серьезные требования к политическим и социально-экономическим реформам, качеству управления, обеспечению прав человека и гражданина, играют во многом положительную роль в строительстве государственных институтов, способствуют смягчению крайних стратегических позиций по отношению к национальным меньшинствам и в целом позитивно сказываются в плане преодоления имперского наследия [см., например: Мелешкина, 2012 а; Мелешкина, 2012 б]. Однако есть и исключения: например, в Румынии проведение институциональных изменений, необходимых для вступления в ЕС (реформа судебной системы, борьба с коррупцией, более либеральный подход к использованию языков этнических меньшинств, улучшение защиты прав собственности и др.), негативно повлияло на внутривнутриполитическую ситуацию. Жесткие

требования и критерии ЕС не позволяют румынским неформальным институтам и практикам существовать в более мягкой, аккомодационной форме и способствовать национальной консолидации. В политическом процессе это проявляется через неординарные новации политического класса (предложения референдума о восстановлении монархии или амнистии коррупционеров).

Ну и, наконец, последнее обстоятельство, объясняющее различия между странами постимперских пространств, – расстановка политических сил, состав победной коалиции и действия акторов в период после распада имперских образований. Речь в данном случае идет не столько о качествах лидеров, сколько о факторах, промежуточных между акторными и структурными. Значимость расклада политических сил и состава победных коалиций отмечают многие исследователи. В частности, этот фактор выделяется как один из определяющих характер кризиса и трансформаций еще у авторов Стэнфордского проекта [Almond, Flanagan, Mundt, 1973], а также у С. Роккана [Rokkan et al., 1970], который исходит из того, что расстановка политических сил в обществе и институциональный контекст формируют пространство возможностей для различных групп акторов и определяют во многом выбор стратегии национального и государственного строительства. Эмпирические модели С. Роккана, демонстрирующие роль политических коалиций, а также попытки применить его концепции к анализу отдельных государств показывают, что политика союзов – значимый фактор, определяющий наряду с другими специфику постимперского развития. На расстановку политических сил, состав коалиций и действия акторов фокусируют внимание и современные исследователи, анализирующие институциональные трансформации¹.

С важностью расстановки политических сил соглашаются и специалисты по изучению политического развития на постимперских пространствах. В частности, К. Барки полагает, что важным обстоятельством, определяющим независимое развитие новых политий, является структура элиты, которая досталась им в наследство от империй [Barkey, 1997].

Специфику институциональных альтернатив, открывающихся перед новыми независимыми государствами после распада имперских образований и складывающихся под воздействием выделен-

¹ См., например, достаточно подробный обзор в: [Emmenegger, 2021].

ных выше факторов, можно проследить в государствах, возникших при распаде любых имперских образований. В частности, эти факторы можно использовать при анализе политического развития независимых республик, образовавшихся после дезинтеграции СССР и Югославии. Хотя СССР и Югославия и не были империями в полном смысле слова, однако они унаследовали и воспроизвели некоторые черты имперской организации власти. Государства, образовавшиеся при их распаде, столкнулись с основными проблемами постимперских пространств. Различия траекторий их развития во многом определяются выделенными нами факторами и их уникальными страновыми сочетаниями.

Иллюстрация: сецессии как «противостояние пространства и границ»

По замечанию Ю. Остерхаммеля, «нерушимость национального геотела находится в сердцевине веры современного национализма» [Osterhammel, 2015, p. 424]. Именно поэтому сецессии встречают жесткий отпор в мире национальных государств.

Задача предотвращения или урегулирования возникающих конфликтов наиболее сложна в отношении приграничных территорий, где компактно проживают этноконфессиональные меньшинства, испытывающие интенсивное воздействие внешних центров. Чтобы понять корни и возможные пути решения этой проблемы, мы рассмотрим попытки сецессии в постсоветских и постъюгославских странах в рамке, предложенной И.В. Кудряшовой и А.С. Козинцевым [Кудряшова, Козинцев, 2021]. Суть подхода состоит в том, чтобы выявить нарушения связей между структурными элементами имперского пространства и определить те политические механизмы, которые могли бы восстановить их, действуя функционально схожим образом в национальном государстве. Этничность будет пониматься в этом контексте так же функционально – как совокупность взаимосвязанных формальных и неформальных институтов, призванных регулировать отношения между членами аскриптивной группы и удовлетворять их потребности.

Для решения этой задачи целесообразно определить имперское пространство как совокупность формальных политических институтов и неформальных практик, благодаря которым ядро им-

перии достигает договоренностей с периферией о признании имперского контроля над ее территориями в обмен на гарантии безопасности и выполнение роли арбитра. В его структуре выделяются следующие элементы: ядро (Я) – военно-административный центр империи; полуядро (П/Я) – крупные города, которым делегировалось управление условно негородским¹ местным населением в пределах административной единицы и которые могли обладать историческим опытом управления иными политическими образованиями (государствами); промежуточная периферия (П/П) – территории, преимущественно контролируемые полуядрами и организованные в административные единицы (провинции, области); глубокая периферия (Г/П) – территории, управление которыми в силу неразвитости коммуникаций, особенностей природного ландшафта или иных причин строилось на основе прямых неформальных соглашений с ядром. Стратегии имперского управления складывались в ходе достижения (1) консенсуса в распределении полномочий между Я и П/Я и (2) формой коммуникаций между П/Я и П/П в пределах административных единиц [Кудряшова, Козинцев, 2021, с. 149–151].

При этом мы исходим из того, что институты управления социалистического периода в СССР и СФРЮ не смогли осуществить трансформацию традиционных институтов в зонах этнополитической конфликтности. Выше мы приводили вывод В. Димитровой-Гражл о том, что качество институтов государств Юго-Восточной и Центральной Европы в большой степени определяется наследием Османской и Габсбургской империй и в незначительной – социалистическим периодом; это связано как с тем, что ментальные и культурные модели в целом формируются в течение долгого времени и столь же долго распадаются, как и с тем, что войны и конфликты XX в. препятствовали культурным трансформациям [Dimitrova-Grajzl, 2007]. Д. Ливен также отмечает, что «советский федерализм был разновидностью косвенного правления» [Ливен, 2007, с. 491].

Таким образом, этнополитические конфликты, возникающие при формировании новых государств, могут быть интерпретированы в логике нарушения пространственной зависимости между элементами имперских структур, к которым принадлежали те или

¹ Имеются в виду средние города, поселки и деревни, где проживает оседлое население.

иные этнокультурные сегменты. Если в Османской империи Я (Стамбул) могло апеллировать к П/Я, опираясь на ислам и «мирное сосуществование людей Писания», а позже – на новые формирующиеся панидентичности (османизм, пантюркизм), то П/Я (городские центры вилайетов) во взаимодействии с П/П использовали организованное насилие и опирались на соглашения с лидерами этнокультурных групп, кланов и оседлых племен. Организованное насилие, повторяемость торговых и ресурсных операций, развитие инфраструктуры между П/Я и П/П способствовали закреплению доверия вне рамок семьи или клана, что постепенно вело к зарождению национализма и обособлению от Я.

В этой рамке этноконфессиональные конфликты в постъюгославских странах с османским наследием (война в Боснии и Герцеговине (БиГ) 1992–1995 гг., конфликт в Северной Македонии в 2001 г., война в Косове 1998–1999 гг.) можно интерпретировать следующим образом.

Случай БиГ. Османская империя захватила территории Боснии в 1463 г., а Герцеговины – в 1482 г. В период их нахождения в составе империи административные границы указанных образований менялись. Так в 1553–1639 гг. центр контроля находился в г. Баня-Лука. В ходе реформ Танзимата¹ в 1851 г. эти пашалыки были слиты, и в качестве П/Я формируется новый центр – г. Сараево.

В дальнейшем эти территории переходят под контроль Австро-Венгерской империи (с 1908 г. – аннексированы). После распада Австро-Венгрии они становятся частью Королевства Югославии, в дальнейшем – получают статус республики в СФРЮ [Кудряшова, Мелешкина, 2021 b; Юго-Восточная Европа..., 2007].

В рассматриваемом случае фиксируется открытый конфликт П/Я и частей П/П, находившихся под контролем разных П/Я, за доминирование. Ядро не формируется, а в дальнейшем заменяется структурами ЕС (верховный представитель).

Случай Северной Македонии. В этом конфликте участвовали македонские славяне и албанцы при поддержке албанской Национально-освободительной армии и регулярной армии Македонии. Сам термин «Македония» имеет, скорее, географическое наполнение. После распада государства Стефана Душана регион

¹ Серия реформ 1839–1976 гг., направленных на модернизацию империи и включавших попытку централизации управления.

состоял из мелких полунезависимых княжеств. К концу XIV в. с захватом Скопье последние македонские княжества признали над собой сюзеренитет османского султана. С административно-территориальной точки зрения регион относился к разным санджакам вилайета Румелия. В период Танзимата он разделен между тремя вилайетами – Косовским, Монастырским и Салоникским. К концу XIX в. между Болгарией, Грецией и Сербией развернулась борьба за идентичность местного славянского населения. В 1912 г. Вардарская бановина (Северная Македония) вошла в состав Сербии. С 1945 г. она известна как Народная Республика Македония в составе СФРЮ [Юго-Восточная Европа..., 2007, с. 47–88].

Таким образом, конфликт проходит между частями П/П при отсутствии П/Я, способного замкнуть на себя контакты с П/П.

Случай Косова. После поражения на Косовом поле в 1389 г. правитель Сербии Лазаревич признал сюзеренитет Османской империи. Территория Косова завоевана в 1454 г. Белград окончательно взят в 1521 г. и становится центром санджака, выполняя роль П/Я. В 1877 г. был образован Косовский вилайет с центром в Скопье. На албанском севере проживали горные кланы, очень бедные, но имевшие неформальные отношения с Я и свои иррегулярные формирования [Tasić, 2020, p. 70–72].

Росту этнополитической конфликтности в регионе способствовали два фактора: миграции сербов из Османской империи в Австро-Венгрию и консолидация албанцев. В 1913 г. вилайет был включен в Королевство Сербия и впоследствии – в Королевство Югославия. В 1918 г. сербские войска вновь заняли Косово. Во ФНРЮ / СФРЮ был образован Автономный край Косово и Метохия. Во время Второй мировой войны Косово было присоединено к Албании в рамках проекта Великой Албании, но после ее завершения возвращено в состав Югославии [Кудряшова, Мелешкина, 2021 а; Человек на Балканах..., 2006, с. 53–81, 99–116].

Рассматриваемый конфликт можно интерпретировать как стремление неконсолидированной П/П (Приштины) к отделению от П/Я (Белград).

На постсоветском пространстве мы кратко остановимся на конфликтах в Киргизской Республике (киргизско-узбекский конфликт в Оше и Узгене (1990) и Оше (2010)) и войнах в Чечне и Грузии.

Случай Киргизии. На момент присоединения к Российской империи г. Ош был частью узбекского Кокандского ханства (завоевано в 1868 г.). Его экономическое значение в Фергане как точки пересечения караванных путей из Китая и Индии в Европу позволяет отнести его к П/Я. Город был включен в Туркестанское генерал-губернаторство. Большая часть современной Киргизии вошла в Семиреченскую область (центр – Алма-Ата, бывший Верный) того же губернаторства. В 1882–1899 гг. эта область принадлежала Степному генерал-губернаторству. С 1918 г. Ош включен в Туркестанскую АССР (г. Ташкент) в составе РСФСР, с 1924 г. – в составе Кара-Киргизской автономной области (в 1925 г. переименована в Киргизскую АО, позднее – автономную республику). В 1936 г. Киргизия выведена из состава РСФСР как союзная республика.

Ферганская область в 1918 г. стала частью Туркестанской АССР, которая в 1924 г. была разделена между Кара-Киргизской автономной областью и Узбекской ССР. По официальной переписи населения 2009 г. доля узбеков в г. Ош – 44,18, Ошской обл. – 27,7%. Ош считается «южной столицей» Киргизской Республики, имеет статус города республиканского подчинения. Киргизия относится к слабо урбанизированным странам (доля городского населения: 1926 г. – 12,2, 1979 г. – 38,7 (наивысшее значение), 2016 – 33,7% [Метаморфозы разделенных обществ..., 2020, с. 121–141; Садыралиев, 2018, с. 73].

Политика границ в советский период привела к подключению ферганского П/Я к киргизской Г/П, но при символическом значении республиканских административных границ П/Я не было интегрировано, хотя доля киргизского населения в нем возросла. В независимой Киргизской Республике это вызвало масштабное насилие между узбекским и киргизским сегментами П/Я за политические и экономические ресурсы с подключением к конфликту Г/П. Сопутствующим процессом стали конфликты между периферийными киргизскими кланами за доступ к ресурсам.

Случай Чечни. В Чечне в постсоветский период произошло два вооруженных конфликта: первая (1994–1996) и вторая чеченская (1999–2000) войны.

Нагорный Дагестан и Чечня были включены в состав Российской империи в ходе Кавказской войны (1817–1864). Политически они представляли собой систему «вольных обществ», сопро-

тивление которых возглавлялось суфийскими шейхами. В 1834–1859 гг. в ответ на российскую угрозу сформирована система военной теократии – имамат Шамиля. После поражения имамата в 1860 г. образован Чеченский округ Терской области с центром во Владикавказе. В 1844–1882 гг. все российские владения на Кавказе входят в состав Кавказского наместничества с дифференцированным режимом управления.

В 1870 г. принято «Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении в Кубанской и Терской областях», которое предусматривало систему судопроизводства по адату и шариату в сочетании с мировыми и третейскими судами. С 1888 г. – отмена элементов национальной автономности, установление над горскими народами военно-казачьего управления.

В 1920 г. образован Чеченский национальный округ в составе Горской АССР. В 1922 г. преобразован в Чеченскую АО, в 1929 г. к ней присоединен г. Грозный (имел особый статус, доля местного населения была низкой). В 1934 г. возникает Чечено-Ингушская АО, в 1936 г. она преобразована в Чечено-Ингушскую АССР. В 1944 г. произошла депортация чеченцев и ингушей, на месте ЧИАССР создана Грозненская область. В 1957 г. – воссоздание ЧИАССР, сопровождавшееся протестами в Грозном против возвращения чеченцев (1958). В 1991 г. – раздел ЧИАССР на суверенную Чеченскую Республику и Ингушскую Республику в составе РСФСР. При распаде СССР в результате открытого конфликта с Москвой – попытка отделения и провозглашение Чеченской Республики Ичкерия (1991–2000). После операции по «восстановлению конституционного порядка» 1999–2000 гг. – субъект Российской Федерации с большим объемом формальных и неформальных полномочий (в частности, находящиеся в республике силовые структуры сформированы по этническому принципу) [Бобровников, 2002].

Конфликт можно рассматривать как борьбу Я и Г/П за политическую власть и ресурсы, завершившуюся восстановлением имперского режима управления Я–Г/П на основе неформальных договоренностей.

Случай Грузии (грузино-абхазский конфликт (1992–1993), грузино-югоосетинский конфликт (1991–1992 гг., 2004 г., 2008 г.)).

До XV в. Абхазия находилась в составе объединенных грузинских княжеств. В связи с распадом Грузии осуществляется вы-

деление слабо централизованного Абхазского княжества. В 1810 г. происходит взятие Сухума и установление российского протектората с принесением князем присяги на верность подданства и назначением жалования владетелю и его матери [Материалы по истории..., 2008, с. 95]. Для усмирения сопротивления абхазских феодалов имперское Я использовало институт заложников и поручительства.

В 1864 г. Абхазское княжество упразднено, введено прямое российское военное управление. Образован Сухумский военный округ и введена военная администрация.

В 1917–1920 гг. Сухумский округ входил в состав Грузинской Демократической Республики. В 1921 г. образована Советская Социалистическая Республика Абхазия, которая вошла в состав Закавказской СФСР. В 1931 г. Абхазия стала автономной республикой в составе Грузинской ССР в составе ЗСФСР. В 1936 г. ЗСФСР была упразднена, что привело к прямому конфликту между грузинским П/Я (Тбилиси) и абхазской П/П.

В 1990 г. провозглашена суверенная Абхазская ССР, в 1992 г. – Республика Абхазия. В 1992–1993 г. произошла война с Грузией. В 1994 г. была провозглашена независимость республики [Авидзба, 2008; Ачугба, 2010].

В целом грузино-абхазский конфликт за статус и ресурсы был сформирован устранением имперского Я из режима управления абхазской П/П. Сухум не смог выполнить роль П/Я и вступить в процесс торга из-за его грузинизации и подавления абхазского меньшинства (по Всесоюзной переписи 1989 г., в Сухуми проживали: грузины – 41,5, русские – 21,6, абхазы – 12,5, армяне – 10,3%)¹. Прекращение его горячей фазы было осуществлено благодаря признанию независимости Абхазии бывшим имперским ядром – Москвой.

Осетия исторически представляла собой систему вольных обществ. Населенные осетинами территории к югу от Кавказского хребта получили название Южной Осетии. В 1783 г. Восточная Грузия – Картли-Кахетинское царство признает над собой протекторат России, но власть грузинских князей над Южной Осетией была номинальной. В 1801 г. царство присоединено к Российской

¹ Население Абхазии. – Режим доступа: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/mabkhazia.html> (дата посещения: 28.11.2021).

империи. В 1842 г. российские власти предприняли попытку выделить горцев из уездов, куда они входили, и составить округа с военно-гражданским управлением. Позднее осетинский округ вновь присоединен к Горийскому и Душетскому уездам (1867–1917).

В 1917–1922 гг. Южная Осетия находится в составе Грузинской Демократической Республики. В 1918–1920 гг. осетины организуют восстания за выход из Грузии и присоединение к РСФСР. В 1922 г. учреждена Юго-Осетинская АО в составе Грузинской ССР.

В период распада СССР было принято решение Совета народных депутатов ЮОАО о поднятии ее статуса и преобразовании в автономную республику в составе Грузинской ССР (1989). В 1990 г. провозглашена Юго-Осетинская Советская Демократическая Республика в составе СССР. В ответ грузинские власти упразднили ЮОАО. Москва (Я) аннулировала эти указы, но его решению подчинилась только Южная Осетия [Дзугаев, 2007].

В 1991–1992 гг. была принята Декларация о независимости Республики Южная Осетия и проведен референдум, что привело к войне с Грузией. Продолжение открытого конфликта имело место в 2004 и 2008 гг. В 2008 г. республика признана Россией как суверенное государство.

Грузино-югоосетинский конфликт принял форму конфликта между П/Я (Тбилиси) и Г/П за политический статус и ресурсы при ослаблении, а затем и самоустранении Я. Он был купирован путем фактического возвращения режима имперского управления.

Проведенный анализ вынужденно краток и неполон, но, по нашему мнению, достаточно иллюстративен. Он показывает, что в национальных государствах, где установленные режимы управления не согласуются с историческими моделями управления, наблюдается затяжное противостояние между полуядрами и разнородными полуперифериями за восстановление баланса в системе распределения ресурсов (символических, военно-политических, фискальных). Это противостояние быстро этнизируется и разрастается, и полуядра оказываются не в состоянии выполнять свою главную функциональную задачу по консолидации сегментированной полупериферии. В зонах бывшей глубокой периферии, где предпринимаются попытки урегулировать конфликт в отсутствие какой-либо воспроизводимой исторической модели управления, происходят сецессии.

Как отмечалось, режимы имперского управления не могут быть повторены в новых национальных государствах, которые стремятся осуществить территориально-политическую консолидацию и форсируют национальную унификацию и стандартизацию, в том числе при опоре на доминирующую этнокультурную идентичность. Решения просматриваются на пути создания новых конфигураций властных отношений посредством заключения институциональных сделок, которые будут выгодны вовлеченным акторам [Wolff, 2012, р. 2–3]. Принципиальной точкой расхождения во мнениях экспертов выступает здесь вопрос о том, на чем должен быть поставлен приоритетный акцент – на включении этнокультурных сегментов в политический процесс с предоставлением соответствующих гарантий их прав или на создании институциональных стимулов к формированию умеренного межгруппового центра [см.: *Метаморфозы разделенных обществ*, 2020, с. 15–41]. И первое, и второе преимущественно оцениваются не в нормативном ключе (хотя и это может иметь место), а инструментально, с точки зрения практической необходимости обеспечения стабильности.

В первом случае речь идет о консоциализме, структурные характеристики которого были практически одновременно выявлены А. Лейпхартом и Г. Лембрухом, во втором – об интегративной теории Д. Горовица, обосновывающей эффективность рассредоточения «точек власти» при одновременном объединении голосов избирателей из разных сегментов и обмене ими при необходимости [Horowitz, 1985, р. 595–600]¹. Вторая модель вряд ли применима в условиях конфликта рассматриваемого типа, так как требует наличия основы для сотрудничества широких слоев общества и определенного уровня доверия.

В рассмотренных выше случаях консоциативные механизмы были применены в полном объеме в Боснии и Герцеговине; их реализация потребовала имплантации нового ядра в лице ЕС. Эти меры помогли остановить насилие, но привели к политико-территориальному закреплению этничности и тем самым создали препятствие для национальной консолидации. Возможность «особых отношений» с внешними центрами и режим двойного гражд-

¹ Обе модели были подвергнуты Д. Горовицем критическому разбору по мере накопления практического опыта [см.: Horowitz, 2014].

данства поддерживают границы этой политики открытыми [о ситуации в БиГ см.: Кудряшова, Мелешкина, 2021 б].

При анализе положения в частично признанной Республике Косово также обращает на себя внимание присутствие внешнего ядра. Вместе с тем используемые консоциативные техники гарантируют скорее представительство меньшинств согласно квотам, а не их эффективное политическое участие. В частности, они не могут налагать вето на нежелательные законодательные акты и не могут влиять на избрание парламентом президента (для победы требуется две трети голосов из 120, а демографический вес не позволяет меньшинствам претендовать на более чем 10% мандатов в добавление к квоте). Конституция не предусматривает верхней палаты парламента; албанское большинство препятствует расширению прав муниципалитетов [о ситуации в Косово см.: Кудряшова, Мелешкина, 2021 б].

В Абхазии и Южной Осетии политическая стабилизация произошла путем сецессии и последующего втягивания имперского ядра в управление. Ситуация в Киргизии остается нестабильной и в значительной степени сдерживается масштабной трудовой миграцией в Россию; возможно, улучшению ситуации послужит развитие деятельности ЕАЭС.

Заключение

Выявление общих и особенных проблем формирования государств и наций на территориях бывших империй позволяет заключить, что на траекторию национального и государственного строительства продолжает влиять имперский опыт. Он включает в себя формальные и неформальные институты управления, символы, наработанные территориально-пространственные связи и идентичности.

В отличие от национального государства, которому присущи последовательное использование принципа территориальности, наличие универсальных правил и практик управления и ряд других упомянутых в статье черт, империям, в большей или меньшей степени, а также в зависимости от их типа, свойственны иные характеристики. Среди них – отсутствие стремления к четкому согласованию границ различного рода (территориальных, политических,

экономических, культурных и т.д.) как к основе консолидации системы, потенциальная их открытость, манипуляция этническими группами, их переселение и создание анклавов, косвенная система управления, слабая ориентированность на стандартизацию и унификацию отношений внутри империи, высокая степень влияния неформальных правил и практик, культивация идеи легитимации политического порядка «сверху», цивилизаторско-миссионерские амбиции и признание неравноправия акторов международных отношений. Эти особенности во многом определяют те проблемы, с которыми встречаются новые территориальные политии: хотя все они разные, для каждой из них распад империи предопределил свое расположение планет, счастливое и не очень.

Среди наиболее серьезных вызовов можно отметить задачу консолидации границ (политических, культурных, экономических и т.д.); неизбежно возникающую при дезинтеграции империи институциональную деградацию; сохранение институциональной памяти и необходимость преодоления обычного для империй существенного разрыва между формальными и неформальными правилами и практиками организации и осуществления власти; создание универсальных и стандартизованных норм, правил и системы отношений.

Насколько успешно новые независимые государства справятся с ними, зависит от ряда факторов. Это – различия между бывшими империями, принадлежность к бывшему центру империи или к периферии, специфика институциональной памяти в виде форм организации власти в бывших империях, совмещение разных традиций, в том числе имперских, и наличие связанных с ними различных внешних центров, стремящихся влиять на внутриполитические процессы в новых государствах. Кроме того, это также количество и специфика конкурирующих внутренних центров и их взаимоотношения с периферией, особенности международной среды, которая предъявляет различные требования к постимперским государствам, расстановка политических сил, состав победной коалиции и действия акторов в период после распада имперских образований.

Некоторые случаи постимперских «болезней» формирующихся национальных государств рассмотрены нами на примере ряда этнополитических конфликтов и сецессий. Учитывая устойчивость многовековых имперских институциональных порядков,

они были проанализированы в новом ракурсе – с точки зрения принадлежности тех или иных этнокультурных сегментов к таким структурным элементам имперского пространства, как ядро, полужадро, полупериферии и глубокие периферии, и нарушения исторически сформировавшихся между ними зависимостей.

Как показало исследование, имперские центры отнюдь не всегда могут быть функционально замещены возникающими национальными, что требует продолжения их участия в управлении новыми политиями в том или ином качестве. Вместе с тем для стабилизации – хотя бы формальной – границ постимперских политий могут быть использованы современные политические механизмы, направленные на поддержание управляемости взаимодействия сегментов при слабом центре (консоциализм, автономизация и др.).

E.Yu. Meleshkina, I.V. Kudryashova *
After empires: beating swords into ploughshares¹

Abstract. The topic of nation- and state-building in the former imperial spaces is relevant. According to many researchers, the path “from empire to nation” is far from complete, although until recently the formation of nation-states has been perceived as a natural desire of peoples for self-determination and independence. In fact, it turned out that the empires themselves mimic nation-states (China, Iran), the former imperial centers think about restructuring their “lost” spaces (Istanbul / Ankara, Moscow), and the new nation-states find it difficult to develop state capacity.

The authors focus on the so-called continental or contiguous empires (Austro-Hungarian, Russian, Ottoman), since they were based on the idea of an inclusive political space, and the empire’s collapse meant the destruction of its state structure. Considering that, the article determines the problems of state- and nation-building in post-imperial political entities. The authors also focus on the extent the imperial institutional legacy is relevant for these problems, and on possibilities of “reconciliation” of “old” and “new” institutional orders in the case of conflicting consequences of their interaction.

Reflection on these issues required (a) detecting the idealtypical features of the empire and the nation-state in an international context, (b) defining the problems that

* **Meleshkina Elena**, Institute of scientific information on social sciences of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru; **Kudryashova Irina**, Moscow state institute of international relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

¹ The reported study was funded by the Russian Foundation of Basic Research RFBR according to the research project N 19-011-00662 a.

arise with interaction of both institutional orders, and (c) identifying approaches to the solution of the problems.

To illustrate the depth of the problem, the authors have chosen the extreme cases of confrontation between the principles of the organization of imperial space and territorial borders (ethnopolitical conflicts and secessions). Since that imperial models of cultural-symbolic, military-political and economic interactions take a long time to form and to disintegrate, a number of respective conflicts have been analyzed in the logic of violation of spatial dependence between the elements of imperial structures correlated with ethno-cultural segments.

The study showed that the imperial centers can not always be replaced by emerging national state ones. That requires their “return” in an updated form. At the same time, modern political mechanisms aimed at maintaining the manageability of the segments’ interactions under conditions of a weak center (consociationalism, autonomization, etc.) can be used to stabilize, at least formally, the boundaries of post-imperial polities.

Keywords: empire; continental / contiguous empire; national state; territoriality; post-imperial space; institutional transformation.

For citation: Meleshkina E.Yu., Kudryashova I.V. After empires: beating swords into ploughshares. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 14–51. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.01>

References

- Achugba T.A. *The ethnic history of the Abkhazians in the XIX–XX centuries. Ethno-political and migrational aspects*. Sukhum: ABIGI, 2010, 356 p. (In Russ.)
- Almond G., Flanagan S., Mundt R. (eds). *Crisis, choice, and change: Historical studies of political development*. Boston, EUA: Little Brown, 1973, 717 p.
- Avidzba A.F. *The Patriotic war (1992–1993): issues in the military-political history of Abkhazia*. Sukhum: NAR, 2008, 497 p. (In Russ.)
- Barkey K. Thinking about consequences of empire. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, Oxford: Westview press, 1997, P. 99–114.
- Barkey K., Gavrilis G. The Ottoman millet system: non-territorial autonomy and its contemporary legacy. *Ethnopolitics*. 2016, Vol. 15, N 1, P. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1101845>
- Bartolini S. *Restructuring Europe: Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union*. Oxford: Oxford university press, 2005, 415 p.
- Benhabib S. Citizens, residents, and aliens in a changing world: Political membership in the global era. In: Hedetoft U., Hjørt M. (eds). *The postnational self: Belonging and identity*. Minneapolis: University of Minnesota press, 2002, P. 85–119.
- Berger S., Miller A. Introduction. In: Berger S., Miller A. (eds). *Nationalizing empires*. Budapest, New York: CEU press, 2015, P. 1–30.

- Bobrovnikov V.O. Custom, law and violence among the North Caucasus Muslims. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002, 368 p. (In Russ.)
- Brubaker R. Aftermaths of empire and the unmixing of peoples. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, Oxford: Westview press, 1997, P. 155–180.
- Clogg R. *A concise history of Greece*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992, 291 p.
- Colomer J. Bringing the empire back in. *GCG Georgetown university. Universia*. 2008, Vol. 2, N 1, P. 48–58.
- Dimitrova-Grajzl V. The great divide revisited: Ottoman and Habsburg legacies on transition. *KYKLOS*. 2007, Vol. 60, N 4, P. 539–558.
- Dzugaev K.G. The Republic of South Ossetia: history and modernity. *Slavic Eurasian studies series*. 2007, N 18, P. 61–84. Mode of access: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18/4_dzugaev.pdf (accessed: 23.10.2021). (In Russ.)
- Emmenegger P. Agency in historical institutionalism: Coalitional work in the creation, maintenance, and change of institutions. *Theory and society*. 2021, N 50, P. 607–626. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11186-021-09433-5>
- Esherick J.W., Kayali H., van Young E. (eds). *Empire to nation: historical perspectives on the making on the modern world*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006, 430 p.
- Fossum J.E. Conceptualizing the European Union through four strategies of comparison. *Comparative European politics*. 2006, Vol. 4, N 1, P. 94–123. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.ccp.6110077>
- Gagaptay S. *Islam, secularism, and nationalism in modern Turkey. Who is a Turk?* Abingdon, New York: Routledge, 2006, 262 p.
- Grishina R.P. (ed.). *A man in the Balkans. The state and its institutions: grimaces of political modernization (last quarter of the XIX – early XX century)*. Saint Petersburg: Aletheia, 2006, 358 p. (In Russ.)
- Hobsbaum E.J. The end of empires. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nationbuilding. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, Oxford: Westview press, 1997, P. 12–18.
- Hobsbawm E.J. The end of empire. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building*. Boulder: Westview press, 1997, P. 12–18.
- Hopkins A.G. *American empire: a global history*. Princeton, Woodstock: Princeton univ. press, 2019, 1008 p.
- Horowitz D.L. *Ethnic groups in conflict*. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985, 697 p.
- Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems. *Journal of democracy*. 2014, Vol. 25, N 2, P. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2014.0020>
- Ilyin M.V. Russia's choice: myth, fate, culture. *Via Regia*. 1995, N 1–2, P. 17–24. (In Russ.)
- Joppke Ch. Citizenship between de- and re-ethnicization. In: Bodemann Y.M., Yurda-kul G. (eds). *Migration, citizenship, ethnos*. New York: Palgrave, 2006, P. 63–91.
- Karpat K. The Ottoman ethnic and confessional legacy in the Middle East. In: Esman M.J., Rabinovich I. (eds). *Ethnicity, pluralism, and the state in the Middle East*. Ithaca, London: Cornell univ. press, 1988, P. 35–53.

- Kaspe S.I. *Centers and hierarchies: Spatial metaphors of power and Western political form*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2007, 318 p. (In Russ.)
- Keating M. European integration and the nationalities question. *Politics and society*. 2004, Vol. 32, N 3, P. 367–388.
- Kudryashova I.V., Kharitonova O.G. (eds). *Metamorphoses of divided societies*. Moscow: MGIMO-University, 2020, 284 p. (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Kozintsev A.S. Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy. *Political science (RU)*. 2021, N 2, P. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05> (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Matyukhin V.V. Turkey: national interests and imperial legacy. *Political science (RU)*. 2013, N 3, P. 117–136. (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Meleshkina E. Yu. Kosovo: Secession as a nation-building project. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021 a, Vol. 14, N 1, P. 228–249. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-12> (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Meleshkina E. Yu. Power-sharing and national community formation: understanding Bosnia's experience. *Current problems of Europe*. 2021 b, Vol. 110, N 2, P. 127–153. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/ape/2021.02.06> (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Meleshkina E. Yu. Ethnic minorities and nation-building in the Post-Soviet space: towards the formulation of a research problem. *MGIMO Review of international relations*. 2009, N 2, P. 45–54. (In Russ.)
- Kymlicka W. *Politics in the vernacular: Nationalism, multiculturalism, and citizenship*. Oxford; New York: Oxford univ. press, 2001, 383 p.
- Lieven B. *The Russian Empire and its rivals from the 16 th century to the present day*. Moscow: Evropa, 2007, 688 p. (In Russ.)
- Materials on the history of Abkhazia in the XIX century (1803–1839)*. Collection of documentary materials. Sukhum: House of the press, 2008, Vol. 1, 288 p.
- McCarthy J. *Death and exile: The ethnic cleansing of the Ottoman muslims, 1821–1922*. Princeton, NJ: Darwin press, 1995, 383 p.
- Meleshkina E. Yu. Alternatives of nation- and states-building in conditions of ethnocultural heterogeneity. *METHOD: Moscow Yearbook of social studies*, 2010 a, P. 123–145. (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu. Nation- and states-building in conditions of ethnocultural heterogeneity: Theoretical approaches and historical practice. *Political science (RU)*. 2010 b, N 1, P. 8–28. (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu. The Soviet experiment: between imperial and state forms. *Political expertise: POLITEX*, 2012 a, N 4, P. 100–124. (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu. *Formation of new States in Eastern Europe*. Moscow: RAN INION, 2012 b, 252 p. (In Russ.)
- Mironov B.N. *Ethnic diversity management in the Russian Empire*. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017, 640 p. (In Russ.)
- Motyl A. From imperial decay to imperial collapse: The fall of the Soviet empire in comparative perspective. In: Rudolph R., Good F. (eds). *Nationalism and empire:*

- The Habsburg empire and the Soviet Union*. New York: St. Martin's press, 1992, P. 15–43.
- Osterhammel J. *The transformation of the world: a global history of the nineteenth century*. Princeton, Oxford: Princeton univ. press, 2015, 1192 p.
- Panov P.V. *Institutions, identities, practices: A theoretical model of the political order*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 230 p. (In Russ.)
- Roeder Ph. *Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism*. Princeton: Princeton University press, 2007, 440 p.
- Rokkan S., Campbell A., Torsvik P., Valen H. *Citizens, elections, parties*. Oslo: Universitet-forlaget, 1970, 470 p.
- Rothschild J. (ed.). *East Central Europe between the two World Wars, A history of East Central Europe*. Seattle, WA: Univ. of Washington press, 1998, 420 p.
- Sadyraliev Zh.S. On the number and distribution of the population of the Kyrgyz Republic. *International journal of humanities and natural sciences*, 2018, N 1, P. 72–76. (In Russ.)
- Soysal Y.N. glu. Citizenship and identity: Living in diaspora in postwar Europe. In: Hedetoft U., Hjort M. (eds). *The postnational self: Belonging and identity*. Minneapolis: University of Minnesota press, 2002, P. 137–151.
- Soysal Y.N. glu. *Limits of citizenship: Migrants and postnational membership in Europe*. Chicago: University of Chicago press, 1994, 244 p.
- Spruyt H. *The Sovereign state and its competitors. An analysis of system change*. Princeton: Princeton University press, 1994, 302 p.
- Stark D., Bruszt L. *Postsocialist pathways: Transforming politics and property in East Central Europe*. New York: Cambridge University press, 1998, 300 p.
- Stavrianos L.S. *The Balkans since 1453*. New York: New York university press, 2000, 970 p.
- Suni R. Dialectics of empire: Russia and the Soviet Union. In: Gersimov I., Glebov S., Kaplunovskii A. (eds). *New imperial history of the post-soviet space*. Kazan: Tsenter issledovaniya natsionalizma I imperii, 2004, P. 163–198. (In Russ.)
- Tambini D. Post-national citizenship. *Ethnic and racial studies*. 2001, Vol. 24, N 2, P. 195–217. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870020023418>
- Tasić D. *Paramilitarism in the Balkans: Yugoslavia, Bulgaria, and Albania, 1917–1924*. New York: Oxford univ.press, 2020, 288 p.
- Tilly Ch. How empires end. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, Oxford: Westview press, 1997, P. 1–11.
- Tilly Ch. Western state-making and theories of political transformation. In: Tilly Ch. (ed.). *The formation of national states in Western Europe*. Princeton: Princeton university press, 1975, P. 601–638.
- Wolff S. Consociationalism, power sharing, and politics at the center. In: Wolff S., Yakinthou Ch. (eds). *Conflict management in divided societies: theories and practice*. Abingdon, New York: Routledge, 2012, P. 23–56.
- Yazykova A.A. (ed.). *South-Eastern Europe under cardinal changes*. Moscow: Ves' Mir, 2007, 352 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Авидзба А.Ф.* Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. – Сухум: НАР, 2008. – 496 с.
- Ачугба Т.А.* Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционный аспекты. – Сухум: АБИГИ, 2010. – 356 с.
- Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Восточная литература, 2002. – 368 с.
- Дзугаев К.Г.* Республика Южная Осетия: история и современность // Slavica Eurasian Studies Series. – 2007. – № 18. – С. 61–84. – Режим доступа: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18/4_dzygaev.pdf (дата посещения: 23.10.2021).
- Ильин М.В.* Выбор России: миф, судьба, культура // Via Regia. – 1995. – № 1–2. – С. 17–24.
- Кастэ С.* Центры и иерархии: Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 318 с.
- Кудряшова И.В., Козинцев А.С.* Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 140–164. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>
- Кудряшова И.В., Матюхин В.В.* Турция: национальные интересы и имперскость // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 117–136.
- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Косово: сецессия как национальный проект // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021 а. – Т. 14, № 1. – С. 228–249. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-12>
- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Разделение власти и формирование национального сообщества: осмысление боснийского опыта // Актуальные проблемы Европы. – 2021 б. – № 2. – С. 127–153. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/ape/2021.02.06>
- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО (Университета). – 2009. – № 2. – С. 45–54.
- Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.: Европа, 2007. – 688 с.
- Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. – Т. 1. – Сухум: Дом печати, 2008. – 288 с.
- Мелешкина Е.Ю.* Альтернативы формирования наций и государств в условиях этнокультурной разнородности // Метод: Московский ежегодник трудов обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований. – М., 2010 а. – С. 123–145.
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: Теоретические подходы и историческая практика // Политическая наука. – 2010 б. – № 1. – С. 8–28.

- Мелешкина Е.Ю.* Советский эксперимент: между имперскими и государственными формами // Политэкс. – 2012 а. – № 4. – С. 100–124.
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе / РАН. ИНИОН. – М., 2012 б. – 252 с.
- Метаморфозы разделенных обществ / под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 284 с.
- Мионов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 640 с.
- Панов В.П.* Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.
- Садыралиев Ж.С.* О численности и размещении населения Кыргызской Республики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 1. – С. 72–76.
- Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / ред и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский и др. – Казань: Центр исследования национализма и империи, 2004. – С. 163–198.
- Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX века): Сб. статей / под ред. Р.П. Гришиной. – СПб.: Алетей, 2006. – 358 с.
- Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / под ред. А.А. Языковой. – М.: Весь мир, 2007. – 352 с.